к автокефалии, чего никогда в Новгороде не наблюдалось. Ф. И. Буслаев заявляет, что Повесть о белом клобуке имеет своим предметом возвеличение духовного превосходства Новгорода над Москвой,[1] в то время как в Повести нет ни одного слова, дающего основание в такому заключению. А. Н. Пыпин, которого смутило то обстоятельство, что в Повести не названа Москва, пишет: „Говоря о третьем Риме, автор Повести как будто (разрядка моя, — *Н. Р.*) хотел навести читателя на мысль, что этим Римом должен быть Новгород".[2] Эти столь слабо аргументированные высказывания о Повести авторитетных для своего времени историков и литературоведов и являются источниками традиционной оценки Повести о белом клобуке, которая еще иногда проявляется и в работах советских литературоведов.[3]

Историческая ситуация, сложившаяся вскоре после составления Повести о белом клобуке, обусловила возможность появления различных переработок этого произведения — его новых редакций. Кроме того, само содержание Повести, затронувшее ряд актуальнейших для всего XVI века политических проблем, давало повод к ее многочисленным переделкам.

Инициатор создания Повести — архиепископ Геннадий, один из крупнейших представителей высших слоев русского духовенства конца XV века, по своему происхождению и имущественному положению крепко связанный со старым московским боярством,[4] затронул в Повести вопрос о превосходстве духовной власти над светской. Будучи официальным представителем Москвы в Новгороде и ревностным проводником московской политики, за которым, однако, подозрительно и пристально следили из Москвы, — Геннадий затронул этот вопрос очень осторожно. В первой пространной редакции Повести всего только две фразы касаются этой острейшей для всего XVI века проблемы. Основание новой столицы Византийской империи мотивируется в Повести следующей, буквально взятой из Псевдоконстантиновой грамоты фразой: „идеже святительская власть и христианского благочестия глава небесным царем уставлена бысть, не достойно там иметь власть земному царю". В другом месте, — там, где речь идет о величии и светлом будущем Руси и проводится аналогия между белым клобуком и „царским венцом", данным „русскому царю" также из Византии и также царем Константином (Мономахом), — прямо говорится, что святительский клобук „честнее" царского венца, „понеже архангельского чина царский венец есть и духовного суть".

Такое сопоставление в условиях вспыхнувшей в начале XVI века борьбы вокруг вопроса о секуляризации церковной собственности было

---

[1] Ф. И. Буслаев. *Исторические очерки народной словесности и искусства*, т. II, стр. 274.

[2] А. Н. Пыпин. История русской литературы, стр. 344.

[3] Такц например, Д. С. Лихачев, посвятивший ряд своих работ „истории развития национального самосознания древней Руси", в которых подверг тщательному анализу и переосмыслению ряд памятников новгородской литературы второй половины XV века, считает Повесть о белом клобуке „отголоском идей боярско-литовской партии в церковной трансформации" (Д. С. Лихачев. *Национальное самосознание* древней Руси. Л., 1945, стр. 92).

[4] Скудные сведения о раннем периоде жизни Геннадия дают основания предполагать его знатное происхождение: известно, например, что он владел вотчинами (Геннадий подарил несколько сел и деревень Волоколамскому монастырю), в Степенной книге он назван „мужем сановитым". Многочисленные вклады Геннадия в Чудов монастырь, субсидирование им из собственных средств строительства в Новгороде, богатые подарки псковичам — все это свидетельствует о богатстве Геннадия.